
История

УДК 929.2.; 94.(47)

САМОДЕРЖАВИЕ КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ

Б.Н. Земцов

Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана

E-mail: zemtsovbn@mail.ru

Предпринята попытка проследить генезис национального политического режима, выявить степень закономерности авторитаризма в России. С одной стороны, эта попытка вызвана наличием в существующей историографии уязвимых положений. С другой стороны, за последние годы в науке накопились новые методологические подходы, на которые автор предлагает обратить внимание. Автор считает, во-первых, что к началу XX в. политический режим России оставался самодержавным, но его нельзя сводить к личной политике главы государства. Во-вторых, этот режим трансформировался быстрее, чем политические представления основных социальных слоев, для которых новые демократические политические институты были еще непривычны. В-третьих, стоит очень осторожно относиться к оценке последующих политических процессов. Их нельзя сводить к личной политике большевистских, советских, лидеров. Так, политический режим 30–40-х гг. XX в. в очень большой мере был вызван геополитическими интересами страны и политической культурой дореволюционной России, где отсутствовал механизм влияния на власть.

Ключевые слова:

Самодержавие, политический режим, авторитаризм, национальная ментальность, история российской политики.

Конечным результатом работы любого ученого является выявление закономерностей изучаемого объекта. В истории это достигается только на уровне анализа развития социально-политических институтов. В России наиболее крупным социально-политическим институтом является государство. Его самодержавная форма возникла в XVI в.

Предпосылки самодержавия сформировались еще в княжение Ивана III. Тогда оно трактовалось как первенство московского князя среди остальных князей северо-восточной Руси. В начале XVI в. ситуация изменилась, а вместе с ней и трактовка – данная политическая система стала восприниматься как независимость Московской Руси от внешних врагов. Между тем страна находилась в условиях тяжелейшего внешнеполитического положения. Отсутствие (помимо государства) политических институтов, способных возглавить оборону, привело к тому, что эту задачу взяло на себя государство, выполнило ее путем концентрации всех возможностей общества, но социально-политические свободы были сведены к минимуму. В этих условиях произошло третье изменение содержания понятия «самодержавие» – независимость от общества.

Первую юридически закреплённую формулу самодержавия дал Петр I. В толковании к

арт. 20 Воинских уставов он повелел записать: «Его Величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах отчет дать не должен; но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомыслию управлять» [1. С. 327]. Скорее всего, эта довольно резкая формула возникла в силу характера Петра I. Остальные самодержцы были не столь категоричны, но свое место в политической системе и государстве осознавали совершенно ясно.

Наследников престола с детства готовили к выполнению их предназначения психологически, а с момента совершеннолетия – вводили в члены высших государственных органов. Так, великий князь Александр Николаевич в 1834 г. был назначен присутствующим в Сенате, в 1835 г. – членом Синода, в 1839 г. – присутствующим в Государственном Совете, в следующем году – в Комитете министров. В 1841–1842 гг. стал полноправным членом всех этих государственных органов. Таким образом, к моменту восшествия на престол большинство монархов обладали опытом крупных государственных чиновников. Но добросовестно относились к своим обязанностям даже те, кого не готовили в юности к престолу. Так, рабочий день Николая I обычный начинался в 7 утра и длился порой до глубокой ночи. Он не просто присутство-

вал на заседаниях высших правительственных органов, а старался вникнуть в суть рассматриваемых проблемы. Осмотр больниц, тюрем, учебных заведений был для него обычным делом.

Основу политики российских самодержцев составлял прагматизм, базирующийся на знании реальных социально-экономических процессов и средств, имеющихся для решения возникших задач. Прагматизм определял и их отношение к другим политическим системам.

Первым и достаточно ярким подтверждением этого являются ремарки Екатерины II на полях книги А.Н. Радищева. Хотя государыня в начале своего правления сама и спровоцировала дискуссию о желательности вестернизации России, по мере накопления политического опыта ее взгляды менялись. Возможность и необходимость реформ для нее становилась все менее очевидной. Она знала, сколь сложен социально-политический организм огромной страны, поэтому и написала на полях книги А.Н. Радищева: «Если мы будем менять все то, что создано и устроено в мире вследствие долгого опыта и согласно требованиям всего прошлого, а не слепому произволу, – это поведёт только к ухудшению, потому что «лучшее» – враг существующего «хорошего»» [2. С. 617].

Разумеется, политика российской власти определялась не только прагматизмом. На протяжении XVIII–XIX вв., в зависимости от ряда обстоятельств, власть балансировала между двумя политическими доктринами: самодержавным абсолютизмом и соборным абсолютизмом [3. С. 97–100].

В течение XVIII–XIX вв. условия, которые способствовали возникновению самодержавного политического режима, прекратили свое существование. Однако основная причина сохранения самодержавия не была устранена: за эти 400 лет гражданское общество так и не возникло. В результате политическая система менялась крайне медленно.

В центре этой системы находился государь. Нет ни одного царя, в отношении которого историки достигли бы единства взглядов, тем более его нет в оценках царствования Николая II. Большинство современных историков считает, что личные качества Николая II не соответствовали выпавшим на его царствование задачам, что он плохо понимал время, в котором ему довелось царствовать, и свою роль, что у него не хватало ни таланта, ни знаний, чтобы править. Между тем, еще в начале XX в. большинство историков пришло к мнению, что самодержавие не является синонимом понятия «неограниченная монархия». При всем том, что каждое правление несло черты личности государя, не они определяли основные направления внешней и внутренней политики.

Еще советские историки в 60–80-е гг. отмечали, что между государем и правительством в XIX в. сложился определенный механизм взаимоотношений. В частности, поскольку государи не всегда профессионально разбирались в том или ином вопросе, установилась практика, когда подпись царя

(например, на министерском документе) подтверждалась подписью министра, в ведении которого находилось решение этой проблемы. Данная практика была призвана предотвратить появление некомпетентных решений царей. Разумеется, эта традиция, в определенной мере, ущемляла их самолюбие, поэтому, если изначально царь знал, что министр придерживается иного мнения, он заставлял под своей подписью расписываться того министра, который не станет возражать и спорить [4].

К этому же выводу пришел современный историк К. Соловьев. Он достаточно аргументировано доказывает, что вмешательство монархов «в систему управления очень и очень ограничено... Вся система управления в России была устроена так, что все основные решения в области внутреннего управления принадлежали высшим государственным чиновникам. И император, по большому счету, чаще всего в эти решения просто не вмешивался» [5].

Определенная доля политической ответственности за происходившее в стране ложится на окружение царей, в частности на членов императорской фамилии.

К началу XX в. императорская фамилия состояла приблизительно из 300 человек – великих князей и великих княгинь, князей и княгинь императорской крови. В масштабах страны это была мизерная по численности, но влиятельная группа лиц. Помимо государственной, она играла большую роль в общественной сфере, возглавляла большое число научных, благотворительных и культурных общественных организаций [6]. Подавляющее большинство членов императорской фамилии относилось к своим обязанностям добросовестно. Д.М. Софьин выделяет такие компоненты сознания членов императорской фамилии, как идея служения Отчизне, необходимость самоограничения, публичность, патернализм [7]. В советской историографии считалось, что это была абсолютно консервативная среда. Но, например, И.И. Несмеянова, Д.М. Софьин эту точку зрения не разделяют. Так, И.И. Несмеянова пишет, что, будучи составной частью общества, императорская фамилия как политический институт эволюционировала вместе с ним [8]. Д.М. Софьин полагает, что с царствования Александра II, под влиянием общественного недовольства, революционного террора, в этой среде началась переоценка ценностей и взглядов [7]. Например, для мужской половины императорской фамилии обязательным было образование военное. Но на рубеже веков некоторые представители фамилии пытались выйти за эти рамки и заниматься интересующим их делом. Так, отдельные князья после окончания военного учебного заведения добивались права поступать в гражданское. Преодоление изолированности от других слоев общества происходило и путем заключения морганатических браков.

Конечно, темпы подвижек в мировосприятии представителей императорской фамилии не соответствовали политической ситуации. Это был по-

литический институт вчерашнего дня, и в этом качестве императорская фамилия вносила в политическую жизнь страны много негативного. Например, государственная служба членов императорской фамилии существенно отличалась от службы простых чиновников:

- для великих князей не существовало общепринятых правил чинопроизводства;
- на возглавлявшиеся ими ведомства не распространялся контроль вышестоящего начальника;
- получаемый членом императорской фамилии высокий пост первоначально никак не соответствовал их возрасту и опыту;
- получив свой пост, царский родственник мог занимать его практически пожизненно;
- «очень частым для царских родственников было совмещение нескольких должностей, нередко никак не связанных между собой. Нахождение на двух должностях было нормой, а великие князья нередко занимали до 4 реальных постов, не считая почетных, не связанных с конкретными обязанностями» [9. С. 38–41].

Царь и его окружение, конечно, несли ответственность за все, что происходило в стране. Но радикально улучшить политический климат в стране, устранить основные причины массового недовольства они не могли.

Массовый психологический дискомфорт был логическим результатом реформ Александра II, после которых страна вступила в период ускоренной модернизации, а общество – в полосу маргинализации: старые духовные ценности разрушались, а для формирования новых нужно было время. В начале XX в. о безысходности политической ситуации заговорили даже монархисты. «Дело не в гибели флота... но ведь и вообще все гибнет... – писал после цусимской катастрофы крупнейший теоретик монархизма Л.А. Тихомиров. – Ах, как мне жаль этого несчастного царя! Какая-то искупительная жертва за грехи поколений. Но Россия не может не желать жить, а ей грозит гибель, она прямо находится в гибели, и царь бессилен ее спасти, бессилен делать то, что могло бы спасти его и Россию! Что ни сделает, губит и ее, и его самого» [10. С. 71]. Если к началу первой мировой войны существующим строем оказались недовольны интеллигенция, рабочие, крестьяне и буржуазия, то в годы войны к ним прибавились генералитет, церковь и даже члены императорской фамилии. Но недовольство строем совершенно не означало готовность жить в иной политической системе. Уровень же зрелости гражданского общества России в начале XX в. большинством современных историков оценивается как низкий.

К началу XX в. существовали важные элементы гражданского общества в виде либеральной интеллигенции, земств и городских дум, буржуазных организаций, нелегальных революционных партий. Однако дальнейшее расширение демократии (на чем настаивали либералы (и что воплотили в жизнь социалистические партии в 1917 г.) означало во-

влечение в политическую жизнь не только образованных слоев обеих столиц, губернской и сельской интеллигенции, но и многомиллионных масс, политическая культура которых вызывала у власти большую тревогу. Власть опасалась развития демократии в маргинальном обществе: в случае демократизации политического режима не было никакой гарантии в том, что страна выберет путь капиталистической Европы (то есть сделает шаг вперед). Поэтому на политические уступки она пошла лишь в условиях революции 1905–1907 гг.

В апреле 1907 г. в истории России произошло одно из самых важных событий – монархия из абсолютной превратилась в конституционную. Но либералы считали, что этого недостаточно, а социалисты, – что это обман.

Содержание парламентаризма в значительной мере определяется не столько нормативно закрепленным местом парламента в системе органов государственной власти и его ролью в решении социально значимых вопросов, сколько уровнем самосознания народа в целом и ее политической элиты в частности. Либерализм, конституционализм, парламентаризм – все эти политические институты и ценности были результатом очень дорогого по своей социальной цене исторического опыта Западной Европы. Российская же оппозиция получила знания об этих институтах в виде готовых идей, не имея возможности обсудить – каким социальным группам и слоям это нужно?

Парламентаризм на Западе наряду со своей основной законодательной функцией являлся социально-политическим стабилизатором, успокоителем общества. Наша же Дума эту функцию выполнить не смогла. Став в 1906 г. одной из ветвей власти, депутаты начали борьбу с другой. Разумеется, между законодательной и исполнительной властью может существовать несовпадение взглядов по конкретным вопросам государственной политики. Однако готовность к компромиссам должна была превалировать. Ни первая, ни вторая Государственная дума к сотрудничеству с правительством оказались не готовы. В пылу революционной борьбы депутаты не заметили, что власть к сотрудничеству как раз стремится. Основным требованием депутатов первой и второй Государственной Думы к правительству стали максимальная демократизация страны и решение аграрного вопроса в соответствии с представлениями крестьян. Но то, чего депутаты добивались в сфере политики, существовало лишь в некоторых небольших государствах Европы.

Одна из основ демократии – прямые, тайные, равные избирательные права – появятся в основном после первой мировой войны. Международных стандартов демократических выборов вплоть до второй половины XX в. не существовало. В Европе даже на уровне ученых-конституционалистов до первой мировой войны всеобщее избирательное право отнюдь не рассматривалось как базовая политическая ценность. Например, в Германии развитие избирательного права сдерживалось опасениями вла-

сти, что его расширение в неподготовленном обществе может принести вред. Доминировало мнение, что лица, не имеющие собственности, не должны иметь избирательные права. Поэтому вполне логично, что в России власть не могла придавать конституции и связанным с нею институтам значение базовой ценности. Для государя, правительственных и придворных кругов всегда было Государство, Отечество. И ориентация оппозиционных и революционных сил на политические институты Запада правительство раздражало и пугало. Кроме того, в XIX – начале XX вв. европейские формы государственного устройства и политические режимы отнюдь не воспринимались властью как более совершенные. Да и не было у власти необходимости на кого-либо ориентироваться: Россия в глазах правительственных и придворных кругов представляла ценность сама по себе.

Российские депутаты-оппозиционеры на волне революции 1905–1907 гг. вступили в борьбу с правительством, плохо понимая, что может последовать за их действиями. Высшей степенью непонимания сложности исторических процессов стал отказ большинства депутатов осудить революционный террор: депутаты отстаивали право на политические убийства.

Посмотрев действие избирательного закона на практике, П.А. Столыпин пришел к выводу, что закон должен быть таким, чтобы в результате его действия в Думе образовалось большинство, способное к законодательной работе, а не к политической борьбе. При этом премьер министр отнюдь не стремился к устранению из Думы оппозиционных политических сил. Государь с предложением П.А. Столыпина согласился [11. С. 33–37].

От всех этих политических дискуссий и борьбы подавляющая масса народа была крайне далека. Но государство в глазах народных масс ассоциировалось с Помазанником Божьим – Царем, который в марте 1917 г. был свергнут. В этих условиях развал государства и страны становился неизбежным. Основной политической оппонент Николая II – депутаты Государственной думы – сохраняли власть до конца лета, да и то в столице. На региональном же уровне их власть продержалась буквально один месяц. В марте 1917 г. место губернаторов заняли присланные Временным правительством комиссары. Однако в апреле поднялась первая волна перевыборов, в мае – вторая. Основную причину своих бед народные массы видели в плохих комиссарах, поэтому и выбранные вскоре оказались неприемлемыми. Перевыборы практически везде превратились чуть ли не в перманентный процесс, увеличивая с каждым разом степень плебейзации местных органов власти. Летом 1917 г. комиссарская чехарда прекратилась. Это произошло не потому, что массы наконец-то добились желаемого, а потому, что разочаровались в демократическом политическом механизме. Они потеряли к нему интерес и стали добиваться решения своих проблем, не обращая внимания на власть. Осенью 1917 г. власть в столицах и многих губернских

центрах перешла к социалистическим партиям: эсерам, большевикам и меньшевикам.

В октябре 1917 г. в истории России начался новый период. В отечественной историографии 90-х гг. XX в. оценка действий большевиков была резко отрицательной. Хотя сегодня политика большевиков оценивается более взвешено, единой точки зрения на революцию и гражданскую войну не существует. Ряд исследований последних лет позволяет предположить, что основная причина ликвидации демократических завоеваний 1917 г. в течение первой половины 1918 г. была связана не с доктринальными установками большевиков, а с отсутствием гражданского общества на местном, региональном уровне [12].

К началу XX в. национальная политическая культура представляла собой единство двух составляющих: самодержавия и общности. Вторая составляющая на теоретическом уровне была обоснована народниками в 70-е гг. XIX в. Как политический идеал народнический коллективизм совпал с марксистской теорией безгосударственного социалистического строя, именно его и создали большевики в октябре–декабре 1917 г.

- на основании решения II Всероссийского съезда Советов вся власть в губернских и уездных городах была передана местным Советам;
- в соответствии с декретом того же съезда и «Ответа В.И. Ленина на запросы крестьян о переходе власти к Советам и задачах Советов крестьянских депутатов и волостных земельных комитетов» (от 5 ноября 1917 г.) вся власть в деревнях передавалась непосредственно крестьянам;
- в соответствии с «Положением о рабочем контроле» от 14 ноября 1917 г. власть на всех промышленных и транспортных предприятиях переходила в руки фабрично-заводских комитетов.

Однако к осени 1918 г. от этой системы самоуправления народа ничего не осталось. На той территории, которую контролировали большевики, власть оказалась в руках местных комитетов РКП (б) и работавших под их руководством ревкомов.

Большевики считали, что созданный ими политический режим явился результатом «гражданской войны и разорения», и определяли его как «военный коммунизм» (то есть вынужденный). В действительности же его внутренняя природа и причины были более сложными, чем их воспринимали его создатели. В глазах населения целых регионов большевики не являлись легитимной политической силой, поэтому восстановление государственности, страны и экономики во многом можно было сделать лишь с применением силы. Ради этого восстановления РКП (б) летом 1918 г. ликвидировала систему Советов как основу местного сепаратизма, узурпировала их полномочия.

Большевики были едины в борьбе с политическими противниками. Осенью 1917 – весной 1918 гг. ими оказались кадеты, потом эсеры и меньшевики, со второй половины 1918 г. – белое движение, церковь, интеллигенция. Однако к концу

Гражданской войны демократия исчезла уже в самой партии. На теоретическом уровне в 1921 г. (на X съезде партии) это попытался объяснить Н.И. Бухарин: «Формы демократии идут в убывающем порядке в зависимости от двух обстоятельств: во-первых, от социально-классового состава данной организации..., во-вторых, этот демократизм еще определяется в зависимости от функций тех аппаратов, которые имеются в виду, чем больше функций воспитательных и функций лабораторно-мыслительных (подготовка ее и т. д.), тем больше демократизм необходим, и наоборот, чем больше административных функций, тем меньше демократизма» [13. С. 272]. К 1923 г. недовольство внутрипартийными отношениями разрослось до реальной внутрипартийной борьбы. К этому времени за работу партийного аппарата и кадровую политику отвечал И.В. Сталин. В 1923 г. в ответ на выступления Л.Д. Троцкого и «Заявление 46» он язвительно заметил: «Я далек от того: чтобы отрицать значение перевыборов под углом зрения демократизма в деле улучшения нашей внутрипартийной жизни. Но видеть в этом основную гарантию – значит не понимать ни внутрипартийной жизни, ни ее недочетов. В рядах оппозиции имеются такие, как Белобородов, «демократизм» которого до сих пор остается в памяти у ростовских рабочих; Розенгольц, от «демократизма» которого не поздоровилось нашим водникам и железнодорожникам; Пятаков, от «демократизма» которого не кричал, а выли весь Донбасс; Альский, «демократизм» которого всем известен; Бык, от «демократизма» которого воет Хорезм. Думает ли Сапронов, что если нынешних «партийных педагогов» сменят поименованные выше «уважаемые товарищи», демократия внутри партии восторжествует? Да будет мне позволено несколько усомниться в этом» [14. С. 380–382].

В начале 30-х гг. XX в. сложился политический режим, который в публицистике стал определяться как «сталинизм». При всем различии самодержавия и сталинизма, они были едины в своем недемократизме. Некоторые современные исследователи усматривают корни этого еще в политике В.И. Ленина. Но, как и в случае с Николаем II, вряд ли политические тенденции огромной страны стоит сводить к личной политике главы государства. Сталинизм не являлся регенерацией самодержавия. В определенной степени на политическую культуру советского народа оказывали влия-

ние дореволюционные политические традиции – соборность и самодержавие. Но основные причины сталинизма лишь отчасти связаны с дореволюционной политической культурой. Можно предположить, что это был итог вытеснения в сознании И.В. Сталина и его окружения социалистических задач задачами геополитики. Не случайно в выступлениях И.В. Сталина на XVI–XVIII съездах ВКП (б) и всех его статьях 30-х гг. так много внимания уделялось международной обстановке. Задачу превращения СССР в великую державу И.В. Сталин решил. Вопрос – можно ли было этого достичь другими политическими средствами – остается дискуссионным.

В дореволюционной и советской историографии к российской монархии как форме организации власти и политическому режиму сложилось стереотипно негативное отношение. Однако оценка самодержавия зависит не только от анализа ее самой, но и степени эффективности других систем. Речь не только о необходимости сравнительного анализа самодержавной и советской систем, степени их объективности, но и готовности России к принятию западных социально-политических ценностей, которыми наше общество увлеклось на рубеже 80–90-х гг. XX в. Подтекстом многих работ звучит мысль об обрыве большевиками прогрессивного развития самодержавной России в 1917 г., о большевистском перевороте, об ответственности их политического режима. Но, например, Н.Б. Комова отмечает, что «идея правового государства и либеральной демократии не является вершиной политико-правового творчества». К «призывам» не только зарубежных, но и отечественных правоведов (философов, политологов) через унификацию и «стандартизацию» ключевых правовых и политических институтов прийти к созданию так называемого «современного государства», которое должно быть однотипным для всех «цивилизованных стран», следует относиться очень осторожно [15]. Поэтому можно говорить о политическом несовершенстве и экономической неэффективности в сравнении с политической и экономической системами Запада вообще, но конкретно в тех исторических условиях Россия могла иметь ту политическую систему, которая формировалась в течение столетий. По крайней мере, историки продолжают заниматься выявлением степени его закономерности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма – М.: Юрид. лит., 1986. – 512 с.
2. Екатерина. Собрание сочинений. – СПб., 1907. – Т. 12. – 852 с.
3. Асонов Н.В. Политические доктрины российского самодержавия как фактор целостности национального государства // Власть. – 2009. – № 3. – С. 97–100.
4. Шумилов М.М. Царские отметки на всеподданнейших отчетах российских губернаторов в 50-х – начале 80-х гг. XIX в. // Вестник новгородского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 1995. – № 2. – С. 56.
5. Николай II – достойный правитель или лидер, приведший страну к краху? URL: <http://www.kurginyan.ru/publ.shtml?cmd=add&cat=3&id=72> (дата обращения: 12.06. 2013).
6. Василенко С.А. Императорская фамилия в России конца XIX – начала XX века: имущественное положение и общественная деятельность: дисс. ... канд. ист. наук. – СПб., 2007. – 214 с.
7. Софьян Д.М. Политико-династические представления российских консерваторов и членов императорского дома, конец XIX – начало XX века: автореф. дисс. ...канд. ист. наук. – Пермь, 2010. – 30 с.
8. Несмеянова И.И. Российский императорский двор первой половины XIX века: дисс. ...канд. ист. наук. – Челябинск, 2002. – 314 с.

9. Кузьмин Ю.А. Российская императорская фамилия на военной службе // Военно-исторический журнал. – 2007. – № 2. – С. 38–41.
10. 25 лет назад (Из дневников Л. Тихомирова) // Красный архив. – 1930. – № 2. – С. 47–75.
11. Земцов Б.Н. Третьеиюньский переворот // История государства и права. – 2011. – № 14. – С. 33–37.
12. Кашликов А.С., Лагутин В.В. К вопросу о конфликте представителей центральных органов и местных органов власти после февральской революции 1917 г. на территории Орловской губернии // История государства и права. – 2009. – № 14. – С. 34–36.
13. Десятый съезд РКП (б). Март 1921 г. Стенографический отчет. – М., 1963. – 727 с.
14. Сталин И.В. О дискуссии, о Рафаиле. О статьях Преображенского и Сапронова и о письме Троцкого // Сочинения: в 18 т. Т. 5. – М., ОГИЗ, 1952. – 448 с.
15. Комова Н.Б. Монархическая власть в консервативных государственно-правовых учениях России XVIII–XX вв.: дисс. ... д-ра юр. наук. – Нижний Новгород, 2012. – 345 с.

Поступила 17.06.2013 г.

UDC 929.2.; 94.(47)

AUTOCRACY AS A NATIONAL POLITICAL REGIME

B.N. Zemtsov

Bauman Moscow State Technical University
E-mail: zemtsovbn@mail.ru

The author has attempted to trace the genesis of national political regime and to determine the level of regularities of autocracy in Russia. On the one hand this attempt is caused by the presence of fragile positions in current historiography. On the other hand science has accumulated new methodological approaches for the recent years and the author proposes to pay attention to them. First of all the author considers that by the beginning of the XX century there was autocracy in Russia but it cannot be reduced to personal politics of the head of the state. Secondly, this regime was transformed faster than political ideas of the main social strata which had not got used to democratic political institutes. Thirdly, further political processes should be carefully assessed. They cannot be reduced to personal politics of Bolshevik soviet leaders. The political regime of 30–40-s of the XX c. was caused to a great extent by geopolitical interests of the country and political culture of pre-revolutionary Russia where there was no mechanism of impact on power.

Key words:

Autocracy, political regime, authoritarianism, national mentality, history of Russian policy.

REFERENCES

1. Rossiyskoe zakonodatelstvo X–XX vekov [Russian legislation of the X–XX centuries]. *Zakonodatelstvo perioda stanovleniya absolyutizma* [The legislation of the period of formation of absolutism]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 1986. Vol. 4, 512 p.
2. *Ekaterina* [Ekaterina. Collected works]. Saint Petersburg, 1907. Vol. 12, 852 p.
3. Asonov N.V. Politicheskie doktriny rossiyskogo samodержaviya kak faktor tselostnosti natsionalnogo gosudarstva [Political doctrines of the Russian autocracy as factor of integrity of the national state]. *Vlast*, 2009, no. 3, pp. 97–100.
4. Shumilov M.M. Tsarskie otmetki na vsepoddanneyskh otchetakh rossiyskikh gubernatorov v 50 – nachale 80 XIX veka [Imperial marks on the vsepoddanneyskh reports of the Russian governors in the 50th – the beginning of the 80th of the XIX century]. *Vestnik Novgorodskogo universiteta. Humanities*, 1995, no. 2, pp. 56.
5. *Nikolay II dostoinny pravitel ili lider privedshiy stranu k krakhu?* [Nikolay II is the worthy governor or the leader who has given the country to crash?] URL: <http://www.kurginyan.ru/publ.shtml?cmd=add&cat=3&id=72> (accessed 12 June 2013).
6. Vasilenko S.A. *Imperatorskaya familiya v Rossii kontsa XIX – nachala XX veka: imushchestvennoe polozhenie i obshchestvennaya deyatel'nost'* Dis. kand. ist. nauk [Imperial surname in Russia of the end XIX – the beginning of the XX century: property status and public work. Cand. ist. sci. diss.]. Saint Petersburg, 2007. 214 p.
7. Sofyin D.M. *Politiko-dinasticheskie predstavleniya rossiyskikh konservatorov i chlenov imperatorskogo doma, konets XIX – nachalo XX veka* Avtoref. dis. kand. ist. nauk [Political and dynastic representations of the Russian conservatives and members of the imperial house, the end of XIX – the beginning of the XX century. Cand. ist. sci. diss. abstract]. Perm, 2010. 30 p.
8. Nesmeyanova I.I. Rossiysky imperatorsky dvor pervoy poloviny XIX veka *Avtoref. dis. kand. ist. nauk* [Russian imperial yard of the first half of the XIX century Cand. ist. sci. diss. abstract]. Chelyabinsk, 2002. 314 p.
9. Kuzmin Yu.A. Rossiyskaya imperatorskaya familiya na voennoy sluzhbe [Russian imperial surname on military service]. *Voennostoricheskij zhurnal*, 2007, no. 2, pp. 38–41.
10. *25 let nazad (Iz dnevnikov L. Tikhomirova)* [25 years ago (From L. Tikhomirov's diaries)]. Krasnyy arkhiv, 1930, no. 2, pp. 47–75.
11. Zemtsov B.N. Tretseyiunsky perevorot [The third June revolution]. *Istoriya gosudarstva i prava*, 2011, no. 14, pp. 33–37.
12. Kashlikov A.S., Lagutin V.V. *K voprosu o konflikte predstaviteley tsentralnykh organov i mestnykh organov vlasti posle fevral'skoy revolyutsii 1917 goda na territorii Orlovskoy gubernii* [On the issue of the conflict of representatives of central and local authorities after February revolution of 1917 in the territory of the Orlov province]. *Istoriya gosudarstva i prava*, 2009, no. 14, pp. 34–36.
13. *Desyatyy sezid RKP (b). Mart 1921 g. Stenografichesky otchet* [Tenth congress of RCP (b). March, 1921. Verbatim record]. Moscow, 1963. 727 p.
14. Stalin I.V. *O diskussii, o Rafaele. O statyakh Preobrazhenskogo i Sapronova i o pisme Trotskogo* [On discussion, on Rafaele. On articles of Preobrazhenskiy and Sapronov and on Trotsky letter]. Collected works. Moscow, OGI Z Publ., 1952. Vol. 5, 448 p.
15. Komova N.B. *Monarkhicheskaya vlast v konservativnykh gosudarstvenno-pravovykh ucheniyakh Rossii XVIII–XX vv. Dis. Dokt. yur. nauk* [Monarchy in conservative state and legal doctrines of Russia of the XVIII–XX centuries. Dr. jur. sci. diss.]. Nizhny Novgorod, 2012. 345 p.